

STUDIA RUSYCYSTYCZNE
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
TOM 26

RUSSIAN STUDIES
University of the Jan Kochanowski

Vol. 26

Edited by
Martyna Król-Kumor

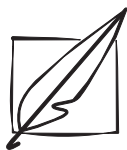
STUDIA RUSYCYSTYCZNE

Uniwersytetu Jana Kochanowskiego

TOM 26

Pod redakcją
Martyny Król-Kumor

Wydawnictwo
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
Kielce 2018

Copyright © by Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, Kielce 2018

Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5
tel. 41 349 72 65
fax 41 349 72 69
<http://www.ujk.edu.pl/wyd>
e-mail: wyd@ujk.edu.pl

Spis treści

LITERATUROZNAWSTWO

Екатерина Бондаренко (Кельце) Человек войны в творчестве Светланы Алексиевич	11
Joanna Nowakowska-Ozdoba (Kielce) Obraz prowincji wołyńskiej w opowieści Włodzimierza Korolenki <i>Niewidomy muzyk</i>	17
Элеонора Шестакова (Донецк) Эстетика воспоминаний в мотиве <i>русский человек на rendez-vous</i> на материале новеллы Ивана Бунина <i>Руся</i>	25
Людмила Шевченко (Кельце) Поэтика пейзажа в романе Олега Постнова <i>Страх</i>	39
Татьяна Тверитинова (Киев) Батальон ангелов Б. Акунина как историографический роман	51
Ирина Заярная (Киев) Творчество Евгения Замятина и авангард. Диалектика притяжения и отталкивания	59

JĘZYKOZNAWSTWO

Анна Батулина (Нижний Новгород) Церковнославянская лексика и фразеология как объект метаязыковой рефлексии в публицистике религиозной тематики	71
Виктория Дидковская (Нижний Новгород) Словесные композиции как номинативная техника	77
Martyna Król-Kumor (Kielce) Modele słowotwórcze w wybranych żargonach języka polskiego	83
Олег Лещак (Кельце) Методологические трудности российской ономазиологии: проблема номинации как объекта исследования	97
Светлана Лещак (Кельце) Концепт «война» как изобразительный мотив эстетического представления человеческого опыта в художественном идиостиле Бориса Гребенщикова	107
Ксения Нестеренко (Харьков) Особенности репрезентации концепта «преступление» в рассказах А. Чехова и А. Куприна	119

Татьяна Тверитинова

Киевский университет им. Бориса Гринченко

Батальон ангелов Б. Акунина как историографический роман

Как известно, термин «историческая метапроза» был введен канадской исследовательницей Л. Хатчен, которая в своей работе *Поэтика постмодернизма: история, теория, литература* характеризует новую жанровую модификацию – историографический роман как постмодернистское представление истории (Хатчен 1988). В отличие от исторического романа, новый тип прозы соединяет в себе литературную и историографическую форму. А поскольку «[...] специфическое видение истории – одна из самых интригующих проблем постмодернистской поэтики» (Липовецкий 1997: 229), историографический роман представляет историю «как «открытый проект», противопоставленный каким-либо ранее установленным институциональным интерпретациям, которые могут имплицитно или эксплицитно контролировать исторические концепты и оценки или маскировать лакуны» (Бойницкая 2017: 10). Российский исследователь Марк Липовецкий, опираясь на работы Л. Хатчен, Ф.Джеймисона, Ж. Деррида, Р. Барта, М. Бахтина и ряда других исследователей, выделяет такие принципы постмодернистской рецепции истории, как:

1. Отказ от поиска не только какой бы то ни было исторической правды, но и телеологии исторического процесса в целом [...].
2. Не только в постмодернистской поэтике, но и в современной исторической науке исторический процесс предстает как сложное взаимодействие мифов, дискурсов, культурных языков и символов, то есть как некий незавершимый и постоянно переписываемый метатекст (курсив автора – Т.Т.) [...].
3. Понимание истории как незавершимого текста естественно порождает особую эстетическую интенцию: постмодернистская проза исходит из предположения, что переписать или заново представить (репрезентировать) прошлое как в литературе, так и в истории в обоих случаях значит открывать прошлое в настоящее, предохраняя тем самым от завершенности и телеологичности (Липовецкий 1997: 229-230).

Исследованиями жанровых особенностей историографического метаромана занимались Х. Уайт, Ж. Женетт, П. Рикер, Т. Маркова, Ю.Райнеке, Н. Сизоненко, О. Бойницкая и другие ученые. Наиболее изученным является английский историографический роман рубежа XX-XXI века как в зарубежном, так и в отечественном, украинском, литературоведении.

Российский историографический роман еще ждет своего комплексного исследования как целостное самобытное явление, представленное в творчестве Саши Соколова, В. Отрошенко, Хольма ван Зайчика, В.Сорокина (мистификация читателей «исторической правдой»), В. Шарова (архивный роман), М. Шишкина (ретроспективный роман), Л. Юзефовича, И. Глебовой, Б. Акунина (ретродетектив) и других. Основное внимание авторов сосредоточено на исследовании индивидуальной и коллективной памяти исторического прошлого, представлении «архивных» материалов, дневников, воспоминаний, различных формах полемики с литературной традицией (пародия, пастиш).

В русской историографической прозе творчество Б. Акунина занимает особое место. В литературной критике отмечается характерная особенность произведений писателя: усвоив традиции предшествующей литературы, он вслед за русскими классиками приоткрывает читателям специфику национальной души русского народа и его истории. Правда, отдельные критики считают, что по Б. Акунину нельзя судить об исторических личностях и событиях, так как допускаются неточности и искажения российской истории (Г. Ульянова). Вместе с тем другие исследователи обращают внимание на умение писателя создать достоверную атмосферу пореформенной России (С. Дубин), подчеркивая присутствие в его произведениях идеологического и культурного контекста, стилистическую реставрацию былого времени, что создает впечатление исторической достоверности (А. Вербиева). Из последних исследований творчества Б.Акунина следует назвать работы по проблемам интертекстуальности и гипертекста Е. Трусовой (Романные циклы Бориса Акунина: специфика гипертекста, 2012), Т. Тверитиновой (Интертекстуальность в романе Б.Акунина Алмазная колесница, 2017), Н. Солюяновой (*Проблема интертекстуальности в переводе: на материале переводов произведений Б.Акунина*, 2018). Изучением национального дискурса в произведениях писателя занимались А. Подчиненов и Т. Снигирева (Творчество Б.Акунина: авторская стратегия моделирования национального дискурса, 2014; Аристоном Б. Акунин: национально-религиозный аспект, 2014).

Темпоральный диапазон в произведениях писателя чрезвычайно широк. Начав писать о периоде XIX века, когда литература «была великой, вера в прогресс безграничной», Б. Акунин значительно расширил временные рамки: с древнейших времен (История Российского государства) – и до начала XXI века (Сокол и Ласточка). В этом плане вызывает интерес статья А. Лобина История и революция в творчестве Б. Акунина (на материале цикла романов Приключения Эраста Фандорина, 2014), однако в ней исследуется период истории конца XIX-начала XX века, до событий июня 1914 года.

Периоду Первой мировой войны был посвящен цикл Б. Акунина из десяти романов-кино Смерть на брудершафт. В литературной критике цикл не был отмечен должным вниманием, что, на наш взгляд, кажется несправедливым. Мы хотим остановиться на последнем – десятом - романе Батальон ангелов (2011), который посвящен малоизученной в исторической и филологической науке странице в истории Великой, Второй Отечественной войны (так до октября 1917 года называли Первую мировую): созданию женского добровольческого ударного батальона смерти и участию его в бою под Сморгонью на Западном фронте в июле 1917 года. Интерес к этой теме – как в контексте гендерной проблематики, так и возросшего интереса к событиям 1917 года – обусловил выбор нашего исследования.

Женский ударный батальон смерти был создан в 1917 году – в самый тяжелый и трагический период из всех четырех лет Первой мировой войны. Инициатором была

Мария Бочкарева – сибирская крестьянка, добившаяся Высочайшего разрешения воевать и уже имевшая награды и унтер-офицерское звание. Целью создания женского батальона было: «поднять патриотический настрой в армии и устыдить собственным примером солдат-мужчин, отказывающихся воевать» (Акунин 2011: 265). Батальон через два месяца учений оказался на передовой Западного фронта. Во время атаки из ста семидесяти ударниц тридцать были убиты, семьдесят – ранены. Сама Мария Бочкарева получила ранение на поле боя (в пятый раз), впоследствии была награждена за храбрость вторым Георгиевским крестом и произведена в подпоручики. После этого сражения батальон был расформирован. Часть ударниц продолжила свое участие в войне в качестве сестер милосердия. Рота 1-ого Петербургского батальона охраняла Зимний дворец в ночь с 25 на 26 октября 1917 года. В период гражданской войны многие ударницы оказались на Дону, в Добровольческой армии, продолжая сражаться за веру и Отечество. Из уцелевших после гражданской войны многие оказались в эмиграции. А дальше о женском батальоне смерти забудут на долгие годы, почти на сто лет.

В советской историографии о них почти никто не писал. Исключение составляет статья А. Сенина Женские батальоны и военные команды в 1917 году (1987). Упоминания о женских батальонах встречаются в мемуарах активных участников военных и политических событий того времени, которые были изданы за границей: А. Керенского, В. Станкевича, А.Брусилова, А. Деникина. Серьезный интерес к истории женского батальона появился лишь в начале XXI века, когда были напечатаны изданные ранее в США в 1919 году воспоминания М. Бочкаревой Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи И. Дон Левина (2001), воспоминания М. Бочарниковой В женском батальоне смерти, вышедшие в сборнике Добровольцы под редакцией А. Солженицына (2001). Вышла четырехтомная энциклопедия Революция и гражданская война в России: 1917-1923 гг., где впервые после советского периода была предпринята попытка дать объективную информацию о женском ударном батальоне смерти. Защищено за последнее время и несколько кандидатских диссертаций, в которых исследуется гендерный контракт женщин на военной службе в России и исторический опыт привлечения женщин на военную службу (Непочетая, Вашурина и др.), что непосредственно пересекается с интересующей нас проблемой истории женского ударного батальона в 1917 году. Появились интересные работы С. Солнцевой, М. Васильева, С. Дрокова, П. Щербинина и других исследователей. Причиной возрастающего интереса является памятная дата столетия начала Первой мировой войны (2014) и выход на экраны сериала «Батальон» режиссера Д. Месхиева по сценарию И. Авраменко и И. Угольников (2016).

Старались не вспоминать о женском батальоне и в художественной литературе советского периода, а если встречались упоминания, то носили резко-негативный характер (поэма Хорошо! В. Маяковского, 1927, роман-хроника Из тупика В. Пикуля, 1968). Отдельно следует сказать об историческом романе Б. Солоневича Женщина с винтовкой, изданном в 1955 году русской печатью в Буэнос-Айресе. Автор, опираясь на воспоминания участницы событий – поручика Нины Крыловой, предпринял попытку дать объективную оценку женскому батальону.

После романа Б. Солоневича Батальон ангелов Б. Акунина – первое художественное произведение постсоветского периода, посвященное трагической истории женского ударного батальона смерти.

Как известно, одной из характерных особенностей современного исторического романа является ревизионизм, когда происходит переоценка исторических, политиче-

ских, морально-этических ценностей, децентрализация, смещение интереса от официальной истории к забытому, утраченному, маргинальному. Как отмечает М. Фуко, «[...] после дискредитации «больших» историй произошла «приватизация» истории – обращение к частному прошлому» (Фуко 2003: 14). Историю начали переоценивать с разных углов зрения и позиций, в том числе и гендерных. В современном историческом романе события прошлого, оказавшиеся на обочине истории, не только получают право на существование, но и оцениваются с точки зрения настоящего. Это можно проследить в романе

Б. Акунина, когда вместе с репрезентацией забытого факта истории – формирования женского батальона смерти и участия его в военных действиях, он затрагивает гендерную проблематику с позиции прошлого и настоящего времени.

К началу XX века в России окончательно сформировался новый тип женщины – самостоятельной и независимой. Получив доступ к высшему образованию (Высшие женские курсы, консерватория), женщины более активно начинают участвовать в различных сферах общественной жизни (просвещение, медицина, искусство). Исследователь Р. Стайтс называет 1917 год «неким водоразделом» истории женского движения в России» (Стайтс 2004: 17). Политические события в стране – война, февральская революция 1917 года, смена власти – в немалой степени способствовали переменам в женском сознании. Особенно, как считает П. Щербинин, «истинной катастрофой для семейной жизни многих российских девушек стала Первая мировая война» (Щербинин 2004: 35). Это и явилось одной из главных причин вступления женщин в ударный батальон смерти под командованием Марии Бочкаревой.

В романе она выступает под фамилией Бочарова. Ее гневный призыв к женщинам защищать родину, когда «[...] мужики дурака валяют и не воюют всерьез» (Акунин 2011: 233) вызывает широкий резонанс:

Две тыщи записалось... А скольких медицинская комиссия отсеяла – не счесть... А все одно много. Конечно, большинство через неделю сбегут, не выдержат. Иных я сама выгоню... Человек триста оставлю, больше не нужно. Но уж жемчужину к жемчужине. Чтоб ни одна не дрогнула, не опозорила (Акунин 2011: 237).

В батальон записывались не только образованные барышни – «они душою выше, потому что вдали от грязи росли» (Акунин 2011: 238), но и работницы, кухарки, горничные. Адмиральская дочь Шацкая, Голицына (из тех самых Голицыных), белошвейка Кольванова, дочь адвоката Шлехтер, консерваторка Блажевич, посудомойка Салазкина и многие другие. Общая идея служения родине способствовала преодолению социальных дистанций и объединению представительниц самых разных слоев общества. «Вся женская Россия собралась», – резюмирует Бочарова патриотический порыв своих добровольцев (Акунин 2011: 238).

В структуре произведения прослеживается соотношение двух временных пластов: времени частного и исторического. Главный герой, штабс-капитан Романов, прибыв с фронта в Петроград, получает новое назначение: старшего инструктора по строевой и боевой части «Ударного батальона смерти». Как позже выяснилось, женского батальона. События разворачиваются в июне-июле 1917 года, времени «между двух революций» (Андрей Белый). Как отмечает М. Бахтин, «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается временем» (Бахтин 1975: 235). Слияние этих координат усиливает ведущие мотивы – разлома, хаоса, конфронтации.

Революционный настрой в России, заданный в феврале 1917 года, полярно разделяется на центр и периферию. Центр – это столица, «алознаменный, звенящий восторгом Питер» (Акунин 2011: 197), исток, озаренный «священным огнем революции» (Акунин 2011: 199). Отсюда сразу после февральских событий отправляется Алексей Романов в действующую армию, на фронт. А на периферии революция воспринималась совсем по-другому: создаются солдатские комитеты (преимущественно из большевиков), которые целенаправленно используют недовольство масс. Отменяются учения «как ненужное издевательство над нижними чинами» (Акунин 2011: 217), приветствие (kozyряние) офицерам, игнорируются устав и военная дисциплина. Потому и рвется в Петроград Романов, что

[...] не было больше сил наблюдать, как разваливается на куски не один век строившаяся армейская машина. До чистого источника революции отсюда было далеко, из мутной окопной грязи на поверхность выныривали не «сознательные» граждане, а крикуны и мелкие честолюбцы (Акунин 2011: 197).

Обращает внимание, что антиномия Петербург – фронт, периферия дополняется метафорической антитезой: «чистый источник революции» - «мутная окопная грязь».

Однако хаос откатной волной добирается и до Петрограда: нечищенные тротуары, разнузданные, нетрезвые солдаты, враждебно настроенные к старому миру, произвол и хаос. Гоморрой его называет начальник военной контрразведки князь Козловский, а интеллигент из толпы печально цитирует из Иоаннова «Откровения»: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...» (Акунин 2011: 221), воспринимая события в апокалипсическом контексте.

Знаковым образом в структуре романа является рождающийся птенец, с которым ассоциируется страна после февральской революции.

В хмельные мартовские дни, когда Россия, будто новорожденный птенец, пробивший скорлупу, развала мокрый клюв и тянулась к весеннему солнцу, когда люди сделались выше ростом, шире в плечах и каждый почувствовал себя участником истории [...]. Сознательный гражданин обязан свято исполнять свой долг, и тогда революционная Россия расправит орлиные плечи, поразит мир своим полетом (Акунин 2011: 192).

У Романова, наблюдавшего за митингованиями и начавшимся развалом армии, «возникло нехорошее подозрение: что если из скорлупы вылупится не орел, а цыпленок? Покукарекает-покукарекает, да и угодит к немцам в суп?» (Акунин 2011: 193 – 194). Через полтора года, когда пожар революции перекинулся в Германию, где так последовательно содействовали революции в России, вновь появляется цыпленок как образ-метафора. В руках немецкого повара, готовящего суп. Две отрубленные цыплячьи головы – это «Romanoff und Hohenzollern! Ein Bruderschaft Kuss» (Акунин 2011: 425).

В такое время, когда в обстановке демократизации армии началось дезертирство и братание с противниками-«камрадами», когда лозунг большевиков «Долой империалистическую войну» был более воспринят, чем призыв Временного правительства «Война до победного конца», формируется женский батальон смерти. В романе все построено на гендерной оппозиции: расхлябанная армия солдат-мужчин, не желающих воевать, и женский батальон со строгой дисциплиной, патриотизмом и верой в победу.

В контексте противоречий военного времени репрезентируются и его герои. С одной стороны, это председатель дивизионного солдатского комитета Гвоздев, которого бы сразу выделило советское литературоведение. Человек с биографией профессионального революционера. Соратник Старика (Ульянова-Ленина). Генерал Бжозовский говорит о нем: «Сильный. Умный. С толпой на митинге управляется, как дирижер с оркестром» (Акунин 2011: 335). Однако именно «дирижер» Гвоздев как председатель солдатского комитета отдает приказ не принимать участия в боевых действиях под Сморгонью, он даже организывает передачу сведений о расположении русской армии, чтобы сорвать наступление. И, несмотря на то, что солдаты, хоть и с большим опозданием, но вступают в бой, женский батальон понес существенные потери.

Собственно, жертвенность своего назначения Бочкарева осознавала изначально. На вопрос журналистов о «поэтическом названии батальона», она отвечает: «Потому что мы все умрем [...]. Вот полягут мои девочки, мужики на это поглядят. Может, стыд их возьмет. И бросят дурака валять, возьмутся воевать всерьез. Тогда немец сам мира запросит, война и кончится...» (Акунин 2011: 223). В первом и единственном бою Бочкарева и ее ударницы показали себя настоящими героями. Обрекая себя на верную гибель, они утверждали за собой самое главное право во время войны: право защищать родину.

А. Деникин назвал их батальон «суррогатом патриотизма». К сожалению, несмотря на энтузиазм ударниц, дальше успеха в бою под Сморгонью положение на фронте не изменилось. Однако эта история, не имеющая аналогов, имеет право на свое существование и в исторической науке, и в художественной литературе.

В том и видится своеобразие современного историографического романа, что он, в отличие от традиционного исторического, воспринимает историю не как целостный и познаваемый процесс, а как совокупность «малых» историй, пережитых, проинтерпретированных и маргинализированных. Для Б. Акунина – автора Батальона ангелов – основная задача заключалась не в репрезентации прошлого, а в воссоздании социально-исторического контекста эпохи, истории духовного развития героев. Историческая лакуна, в которой оказался женский батальон смерти и его участие в Первой мировой войне, была представлена писателем как история отдельных личностей, пересекающаяся и восполняющая национальную и мировую историю.

Литература

- Акунин, Б. (2011), *Батальон ангелов: фильма десятая*. Москва.
- Бахтин, М.М. (1975), *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*, В: Бахтин, М.М., *Вопросы литературы и эстетики*. Москва, 234 – 407.
- Бойницька, О. (2017), *Англійський історіографічний роман помежів 'я ХХ-ХХІ століття: генеза та жанрові модифікації: Автореферат дис... доктора філолог. наук*. Київ.
- Липовецкий, М. (1997), *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)*. Екатеринбург.
- НУТСНЕОН, L. (1988), *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction.*, London.
- ЩЕРБИНИН, П. (2004), *Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII-начале ХХ в.* Тамбов.

Tatiana Tveritinova (Borys Grinchenko Kyiv University, Ukraine)

Boris Akunin's *Angel Battalion* as a historiographical novel

Summary

The article deals with the events of summer 1917 and their reflection in historiographical novel Akunin's *Angel Battalion*. Historical revisionism is characteristic of contemporary postmodernist novel as a result of decentralization and revision of values. It draws attention to the facts and problems traditionally viewed as being outside the mainstream history. Such revisionism may be traced in Akunin's novel. Along with the story of women battalion of death, the author touches upon gender issues from the perspective of both past and present. Two time frames correlate, and a different hero is associated with either individual and historical time.

Keywords: Boris Akunin, historiographical novel, historical revisionism, women battalion of death, capital city-periphery opposition, époque heroes.

ORSID ID 0000-0002-7731-2040